

Т.А. Савоськина (Измаил, Украина)
**ОБРАЗ ТЕТУШЕК В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ
«ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»**

Savoskina T. (Izmail, Ukraine)
**THE IMAGE OF THE AUNTS IN THE LITERARY
STRUCTURE OF “EUGENE ONEGIN”**

В статье исследуется связь образа тетушек с мотивом женской власти, представленным в пушкинском романе разветвленной системой текстовых манифестаций.

Ключевые слова: тетушки, гинеκραтический миф, культурный код, матриархальный мотив, инварианты мотива, интeртекст.

This article examines connections of aunts' image with motif of female power represented in Pushkin's novel by branched system of text manifestations.

Key words: aunts, gynaeocratic myth, cultural code, matriarchal motive, semantic variants of motive, intertext.

Образ тетушек занимает периферийное место в романном пространстве «Евгения Онегина», в силу чего не привлекал особого внимания литературоведов. Впервые этот эпизодический персонаж появляется в 7 главе романа в облике тетушки Алины, которую комментаторы пушкинского романа характеризуют весьма лаконично: кузина Прасковьи Лариной (В.В. Набоков); жеманная, сентиментальная женщина, сохранившая в старости «привычку события своей жизни примеривать к прочитанным ею некогда книгам» (Н. Михайлова). Однако эти штрихи к портрету «московской тетушки» не исчерпывают сюжетных функций женских персонажей в художественном тексте. Образ княжны Алины и других тетушек Татьяны представляет литературоведческий интерес с точки зрения осмысления одного из сквозных мотивов «Онегина» – мотива женской власти. Обозначенный ракурс проблемы позволяет расширить представление о культурно-историческом и литературном контексте классического произведения.

Мотив женской власти в пушкинском тексте богат спектром семантических вариаций. Одна из модификаций сквозного мотива впервые встречается во второй главе романа в зоне повествования

о матриархальной природе семейных отношений в доме Лариных. Пушкин сразу задает нам культурно-исторический код прочтения образов старшего поколения: Дмитрия Ларина, его жены Прасковьи и ее кузины княжны Алины. Молодость всех троих приходится на «золотой век» Екатерины II, связанный с расцветом мифа об исключительной власти и силе женщины¹. Дмитрий Ларин – бригадир, за участие в русско-турецкой войне награжден очаковской медалью, его невеста, княжна Pachtette, наслышанная от своей кузины Алины о романтических адюльтерах, тайно вздыхала об екатерининском гвардейце, именуемом барышнями *Грандисоном*.

Эпоха женского правления активизировала тот ментальный «женский фермент», сохранивший «культурную память» о могуществе женского рода, благодаря которому ситуация «русского матриархата», выйдя за пределы императорского двора, прочно укоренилась в повседневной жизни дворянства. Бытописатель Г.С. Винский в своих мемуарах приводит характерный пример из семейного быта провинциального дворянства XVIII века: «Госпожа управляла домом самовластно, или лучше самовольно. Управление сие, во всех подробностях, есть дело довольно любопытное, ибо тут непрестанно незнание сражается с невежеством...»². Этот культурно-исторический феномен нашел свою репрезентацию не только в культурных памятниках XVIII в., но и в литературе первой трети XIX столетия: он ярко проявился в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Пушкин продолжил развитие гинекратической темы: в рамках «властительного сюжета», демонстрирующего активность женской эмансипации в эпоху русского Просвещения, он разрабатывал образ Прасковьи Лариной. Пережив драму подневольного замужества, она возложила на себя обязанности главы семьи: осуществляла все управленческие функции (*езжала по работам, брила лбы, служанок била осердясь*), распределяла семейный бюджет (*вела расходы*), занималась домашними делами (*солила на зиму грибы*) и, наконец, открыла для себя главную тайну – как *супругом // Самодержавно управлять*. Женская логика подсказывала ей, что путь к единовластию, прежде всего, лежит через желудок мужа. И с этой стороны Дмитрий Ларин, отстраненный от

¹ Приказчикова Е.Е. Культурные мифы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX в. – Екатеринбург: Урал. Ун-т, 2009.

² Винский Г. Мое время // Русский архив, 1877. № 2.

помещичьих забот, был всегда удовлетворен и недовольства не высказывал: жену любил сердечно, // В ее затеи не входил, // Во всем ей веровал беспечно, // А сам в халате ел и пил; // Покойно жизнь его катилась...³

В 7 главе пушкинского романа матриархальный мотив получает свое новое развитие в особом женском персонаже – тетушки. Первая и весьма значимая фигура в череде многочисленных московских бабушек и тетушек Татьяны Лариной – княжна Алина. В ее доме остаются Татьяна с матушкой, которая привезла дочь в Москву на «ярмарку невест». Образ тетки Алины априори связан в пушкинском тексте с концептом «старость». Его номинативное поле выстраивается благодаря частотности синонимичных лексем, указывающих на возрастные признаки родственницы, а именно: старая (*К старой тетке... они приехали теперь*), старушка (*Старушки с плачем обнялись*), старость (*Под старость жизнь такая гадость...*). Понятийная составляющая концепта базируется и на вторичных номинациях, выявляющих физиологические особенности старости – болезнь (княжна четвертый год больна чахоткой), физическая немощь, фиксируемая в ее жалобах на свое здоровье (*Едва, едва таскаю ноги... // Ох, силы нет ... устала грудь... // Уж никуда не годна я...*). К имплицитным компонентам ключевого слова-репрезентанта следует отнести и образ престарелого слуги, встречающего провинциальную родню своей хозяйки: *В очках, в изорванном кафтане // С чулком в руке... седой калмык*.

Актуализация пожилого возраста тетушки Татьяны важна здесь не столько с точки зрения времени, «расчисленного в романе по календарю», сколько в аспекте выявления новых граней мотива женской власти. Семантика мотивного поля обогащается в московской главе идеей зависимости молодых барышень от старшего поколения женщин, тесно связанной с более широкой темой – власти женщин над женщинами, убедительно и разнопланово раскрытой И. Савкиной в работе «Провинциалки русской литературы: женская проза 30–40-х годов XIX в.»⁴. Авторитет возраста и знатное происхождение

³ Пушкин А.С. Собр. Соч.: В 6 т. М: Правда, 1969. Т. 4. С. 44. Далее ссылка дается на это издание в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

⁴ Савкина И. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века (серия Frauen Literatur Geschichte: Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur) Verlag F.K. Göpfer – Wilhelmshorst, 1998. 223 S.

тетки Алины (предположительно она княжна Щербацкая) обеспечивают ей уважение в роду и обществе, которое безропотно признает и провинциальная родня. С первого дня Татьяна становится объектом неусыпного попечения этой гранд-дамы, которая у Пушкина не только «старая тетка», но еще и старая дева. Нерастроченный материнский потенциал во многом обуславливает ее поведенческую стратегию: она фактически вытесняет из «зоны» Татьяны реальную мать и занимает ее место. В день приезда Лариных больная тетушка без промедления и обсуждения принимает единоличное решение: завтра же показать племянницу *всей ее родне*, после чего имя матушки Татьяны не упоминается ни разу. В свою же очередь, тетушка Алина, вырвавшись за пределы магического круга одиночества и болезни, поистине с мужской энергией принимается за осуществление далеко идущего плана: представить Татьяну родне и знатному обществу, удачно выдать племянницу замуж и обеспечить тем самым ей видное положение в высшем свете. Однако родственная благотворность этой протекции дискредитируется игнорированием мира души Татьяны, который для тетушки закрыт и вообще не имеет значения.

Отныне Татьяна сама себе не принадлежит; она подчинена воле своей патронессы и живет по ее четкому расписанию: что ни день – то званный обед или вечер знакомства с московской родней, среди которой опять же доминируют женщины. Здесь и бабушки с их восклицаниями *«Как Таня выросла... // Как наши годы-то летят»*, и многочисленные тетушки (двоюродные сестры старшей Лариной либо ее мужа), в которых *не видно перемены; // Все в них на старый образец; // У тетушки княжны Елены // Все тот же тюлевый чепец, // Все белится Лукерья Львовна, // Все то же лжет Любовь Петровна... // У Пелагеи Николавны // Все тот же друг мосьё Фимуш, // И тот же шпич, и тот же муж; // А он, все клуба член исправный, // Все так же смирен, так же глух, //И так же ест и пьет за двух* (IV, 142). В пушкинском изображении «бабьего царства» заметно прослеживается влияние комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», сатирический контекст которой направлен на разоблачение женской природы московского общества. Эпиграф, цитаты, реминисценции и аллюзии из грибоедовской пьесы образуют содержательное поле московской главы «Онегина». Заданная Пушкиным матриархальная ситуация раскрывается в нескольких тематических направлениях, представляющих собой инварианты сквозного мотива женской власти: зависимость мужчин от

женщин, женская молва, господство женщин «старого чекана» над «юными грациями».

Следуя грибоедовской поэтике многофигурной композиции, Пушкин рисует в XLV строфе общий план группового портрета тетушек, используя усилительные частицы *все, все тот же, все так же*, фокусируя внимание на неизменности московских нравов и привычек. Затем бегло, буквально несколькими штрихами, очерчивает крупный план, выделяя из женского ареопага мимолетный, но запоминающийся образ Пелагеи Николавны, представляющий собой комическую имитацию женских персонажей из «Горе от ума» – Натальи Дмитриевны Горич и княгини Тугоуховской, воле которых полностью подчинены их мужья. У пушкинской тетушки, как и у грибоедовских дам, *все тот же шниц, и тот же муж, и так же смирен, так же глух*. Игра грибоедовским словом создает эффект зашифрованного здесь микросюжета о жене и муже-подкаблучнике, рассчитанного на память и ассоциативное восприятие читателя. Легкая ирония повествования о женском режиме в доме Лариных уступает место в интертекстуальном пространстве московской главы сатире, оценочный фон которой направлен против укоренившейся поведенческой глухоты мужчин по отношению к изменению гендерных ролей.

Пушкинские тетушки, как и суровый синклит женщин в грибоедовской комедии, не имея возможности реализовать себя в социальной сфере, «глазами Аргуса» зорко следят за исполнением матриархальных законов в повседневной жизни. «Верные преданиям Екатерининских времен», они не только держат под каблуком своих мужей, но и регулируют «общественное мнение» путем распространения слухов. Аллюзивной актуализацией грибоедовского мотива молвы, обуславливающей драматическое развитие событий в пьесе, выступает строфа XLVIII, воссоздающая атмосферу общего разговора в гостиной у скучной тетки: *Татьяна вслушаться желает // В беседы, в общий разговор; // Но всех в гостиной занимает // Такой бессвязный, пошлый вздор; // Все в них так бледно, равнодушно; // Они клеветуют даже скучно; // В бесплодной сухости речей, // Расспросов, сплетен и вестей ... (IV, 144)*. Выразителен синонимический ряд пушкинской строфы, в которой доминируют слова *клеветуют, расспросы, сплетни, вести*, моделирующие сознание «цензоров в чепцах и шالях», суд которых зачастую выступает мощным орудием власти в публичной

жизни. В пушкинском контексте мотива женской власти слух, будучи его алломотивной вариацией, является фоновым и обретает дополнительные коннотации благодаря образно-смысловым мерцаниям грибоедовской комедии.

Вместе с тем среди смежных мотивов женской власти ведущим семантическим инвариантом, организующим сюжетное пространство седьмой главы, выступает господство почтенных женщин над юными особами через контроль, надзор и устройство их личной жизни. Пушкин фокусирует внимание на женском узурпировании права первого голоса решать судьбу своих детей и юных родственниц. Светские мероприятия, организованные тетушками, становятся для Татьяны местом презентации ее как потенциальной невесты, которая, к сожалению ее тетушек, не пользуется успехом у московского бомонда. На родственных обедах и вечерах провинциальную барышню откровенно рассматривают *Архивны юноши толпою... // И про нее между собою // Неблагодарно говорят*, в театре она тоже не привлекает внимания *Не обратились на нее // Ни дам ревнивые лорнеты, // Ни трубы модных знатоков // Из лож и кресельных рядов* (IV, 144). Озабоченные тетушки везут Татьяну в Благородное собрание на московскую «ярмарку невест». Самым сильным местом в стихотворном сюжете главы представляются стихи *Между двух теток, у колонны, // не замечается никем, // Татьяна смотрит и не видит, // Волнение света ненавидит...* (IV, 146). Расположение фигур создает эффект замкнутого пространства, метафорически выражающего повинование пушкинской героини судьбоносным обстоятельствам. Не в состоянии что-либо изменить, она никого и ничего не видит, но зато всё замечают и контролируют ситуацию тетки Татьяны. Следуя художественной логике текста – это княжны Алина и Елена, по предположению В.В. Набокова, сестры, обе старые девы.

Подобно режиссеру, Пушкин выстраивает сакральную по своему смыслу мизансцену, в которой вершится судьба Татьяны. Зорко наблюдая за светским окружением и оценивая шансы своей подопечной, тетушки вдруг с радостью замечают, что с Татьяны не сводит глаз *какой-то важный генерал*. Зная толк в таких делах, они без промедления начинают действовать: *Друг другу тетушки мигнули // И локтем Таню враз толкнули, // И каждая шепнула ей: // – Взгляни налево поскорей. – // «Налево? Где? Что там такое?» // – Ну, что бы ни было, гляди... // В той кучке, видишь? впереди, // Там, где еще в мундирах*

двое... // Вот отошел... вот боком стал... // «Кто? толстый этот генерал?» (IV, 146).

Автор романа мастерски использует театральные средства выразительности: язык телодвижений, обмен репликами, позволяющие ему более выпукло, зримо представить значимость происходящего. С легкой иронией Пушкин изображает тетушек, занимающихся устройством личной жизни своей племянницы. Он обращает внимание читателя на мимику и императивную жестикуляцию московских родственниц (*мигнули, локтем толкнули*), призывающих Татьяну к участию в завязке важного действия, волевых репликах, адресованных подопечной: *Взгляни налево поскорей; Ну, что бы ни было, гляди...*, требующих от барышни на выданье проявления хотя бы видимого интереса к потенциальному жениху. Риторический вопрос Татьяны *Кто? толстый этот генерал?* звучит в общем контексте как роковой приговор. Уместно вспомнить слова Пушкина о московской жизни из его письма от 13 января 1831 г. к П.А. Плетневу: «Здесь живи не как хочешь – как тетки велят»⁵. Вместе с тем, думается, тетушки являются лишь формальными устроительницами судьбы юной родственницы. Татьяна еще в деревне, горько плача, поняла, что счастья в жизни ей не дано, и сама определила свое будущее, согласившись поехать с матушкой в Москву на ярмарку невест. Не выбирая мужа, она вынуждена принять его как посланного Судьбой.

Таким образом, московская глава пушкинского романа существенно расширяет представление о принципах дворянского общежития и участия в нем женщин с матриархальным типом сознания. В этом смысле образ тетушек играет важную роль в развитии мотива женской власти, представленного семантически разветвленной системой текстовых манифестаций. Сквозной мотив входит в пушкинский роман как гинекратический код XVIII столетия, получая дополнительные оттенки и функции благодаря интертекстуальному взаимодействию «Евгения Онегина» и «Горя от ума» Грибоедова.

⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: АН СССР, 1937–1949. Т. 14. С. 143.